

В.А. Герасимова,

канд. ист. наук, науч. сотр. Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, г. Омск

ИУДЕЙСКИЕ ОБЩИНЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И УПОЛНОМОЧЕННЫЕ СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТОВ (1944–1953): КОНТРОЛЬ И КОММУНИКАЦИЯ*

В современной историографии создание Совета по делам религиозных культов при Совете народных комиссаров (далее – СДРК) в мае 1944 г. рассматривается как принципиально новый этап в развитии государственно-конфессиональных отношений, ставший импульсом к «религиозному возрождению» в советском государстве¹. Послабления относились к абсолютному большинству религиозных объединений, существовавших в Советском Союзе, в том числе к иудейским. В то же время трудно отрицать, что параллельно с относительной либерализацией в отношении иудаизма как религии, исповедуемой частью советского населения, существовала набирающая темпы политика государственного антисемитизма, идеологом которой был лично Сталин². Этноконфессиональный характер иудаизма и нараставшие антисемитские настроения верхушки советского государства обусловили исключительно тесную связь между

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 17-78-10172 «Евреи в Западной Сибири в системе межнациональных отношений: история и современность».

¹ Подробнее об этом периоде и обстоятельствах формирования Совета см.: Одинов М., Кочетова А. Конфессиональная политика в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. М.: Научно-политическая книга; Политическая энциклопедия, 2014.

² Об интенсификации политики государственного антисемитизма и роли Сталина см. работы крупнейшего специалиста в этой области: Костырченко Г. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. Новая версия. Ч. 1: От царизма до победы во Второй мировой. М.: Международные отношения, 2015; Он же. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. Новая версия. Ч. 2: На фоне холодной войны. М.: Международные отношения, 2015.

религией и политикой в отношении евреев как национального меньшинства. В связи с этим вопрос о том, применимо ли понятие «религиозного возрождения» к иудейским общинам, выглядит вполне обоснованным.

Евреи, будучи «экстерриториальной национальностью» (если не принимать во внимание малоуспешный эксперимент по созданию Еврейской автономной области на Дальнем Востоке), проживали на всей территории Советского Союза. Существовали ли инварианты в реализации религиозной политики в отношении иудеев в разных частях страны? Отличалась ли политика в отношении иудеев в местах традиционного проживания – в Украине, Белоруссии, а также столичных городах – от регионов с относительно небольшим по численности еврейским населением? Цель данной статьи – проанализировать «региональное измерение» государственной политики в отношении иудейских общин и специфику взаимодействия властных структур, прежде всего уполномоченных СДРК с этими общинами. География исследования включает Западную Сибирь – Новосибирскую, Омскую, Томскую и Кемеровскую области, где помимо проживающих с дореволюционных времен евреев оказались тысячи людей, эвакуированных из западных республик и областей в годы Великой Отечественной войны³.

Еврейские общины этого региона уже становились предметом исследования у ряда авторов, которые восстановили фактологию функционирования общин в качестве контекста для других проектов⁴. В завершение своей статьи о повседневной жизни омской иудейской

³ По существующим данным, в Западную Сибирь было эвакуировано более 1 млн человек. Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны в документах и материалах: в 3 т. Т. 1. «Исход» / сост. и отв. ред. Л.И. Снегирёва. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. С. 8. Однако в настоящее время систематические сведения об этническом составе эвакуированных обнаружить не удалось.

⁴ Наиболее ранняя публикация относится к 1994 г.; ее автор – кемеровский историк, литератор, активист местной еврейской общины: Каганов В. Нелегальные еврейские общины Кузбасса (конец 40-х – начало 50-х гг.) // Вестник Еврейского университета в Москве. 1994. № 2(6). С. 46–53. См. также: Генина Е.С. Еврейские общины Сибири в период кампании по борьбе с космополитизмом (1948–1953) // Научные труды по иудаике. Материалы XVII Международной ежегодной конференции по иудаике. Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер». М., 2010. С. 282–292; Она же. Еврейская община Новосибирска во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность: сб. материалов VI региональной научно-практической конференции. Барнаул, 22–23 августа 2005 г. Красноярск; Барнаул: Кларетрианум, 2005. С. 127–131; Она же. Еврейская община Томска в середине 1940-х – 1950-е гг. // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность: сб. мат. VII регион. науч.-практ. конф. Красноярск; Кемерово: Красноярский писатель, 2006; и др.

общины томская исследовательница Л. Сосковец пишет: «Так, в заботах и проблемах протекала жизнь еврейской общины г. Омска и деятельность синагоги, что, как нам представляется, было довольно типично для аналогичных объединений этой конфессии в советский период»⁵. Однако означало ли это, что все иудейские общины Западной Сибири переживали одни и те же проблемы и никаких вариаций ни в коммуникации с властями, ни в особенностях состава верующих, ни в других вопросах не было?

Между тем сама омская иудейская община представляла собой, скорее, исключение, чем правило. Во-первых, это была одна из двух официально прошедших регистрацию иудейских организаций в Западной Сибири (вторая была в Новосибирске), во-вторых, эта община появилась на основе уже существовавшего с дореволюционных времен объединения верующих⁶; более того, омская община – единственная община в регионе, которая открыто демонстрировала свою лояльность советской власти и предпринимала попытки «обновить» иудаизм в соответствии с советскими реалиями. Немногочисленные еврейские религиозные общины региона не были одинаковыми. Во-первых, на территории региона действовали зарегистрированные (Омск, Новосибирск) и незарегистрированные объединения (Томск, Кемерово, Сталинск и др.); во-вторых, существовали местные общины, ведшие свою историю с дореволюционных времен и вновь образованные в тех городах, где евреев не было (Кемерово, Прокопьевск, Сталинск); в-третьих, существовали как «общины», так и отдельные «миньяны»⁷, которые, в свою очередь, делились на постоянные (собиравшиеся как минимум каждую субботу) и праздничные. Все эти нюансы должны были и учитывались представителями власти в процессе выработки политики в отношении их. Так, например, наиболее жесткие меры принимались в отношении новых общин, созданных преимущественно эвакуированными евреями в Кемерово, Прокопьевск и Сталинск, тогда как в Томске⁸ и Тюмени, например, суще-

⁵ Сосковец Л. Иудейская община в Омске: проблемы повседневности (1940–1960-е) // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность. Матер. науч.-практ. конф. Красноярск: Кларетрианум, 2003. С. 183.

⁶ Другой крупный сибирский специалист по религиозной политике в Сибири в советский период А.В. Горбатов ошибочно ссылается на Л. Сосковец, говоря о том, что омская община состояла в большинстве своем из евреев, эвакуированных в годы войны. Горбатов А.В. Население, миграции и конфессиональная карта Сибири (1940–1960) // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 4 (60). С. 57.

⁷ Миньян – собрание 10 и более совершеннолетних мужчин, необходимых для проведения полноценного молитвенного обряда.

⁸ Томская община была сначала зарегистрирована местным уполномоченным, а затем снята с регистрации уже в 1947 г. и продолжала действовать частным образом

ствовали небольшие миньяны, о которых уполномоченным и Совету было хорошо известно, но никаких радикальных мер против них не принималось.

Несмотря на то, что уполномоченные были лишь местными представителями и действовали под контролем и в полном соответствии с требованиями СДРК, именно они становились основным официальным лицом, обеспечивающим коммуникацию между общиной и властью. От взаимодействия уполномоченных и их подопечных зависел и уровень доверия, и степень понимания происходящего. Кроме того, сама должность уполномоченного отличалась своей спецификой и была, судя по всему, в исследуемый период довольно непрестижной⁹.

Совет по делам религиозных культов при Совете народных комиссаров и институт уполномоченных на местах официально были созданы в 1944 г. Однако процесс подбора кадров на эти должности в регионах оказался не прост. Так, уполномоченный по Томской области Щапов жаловался заместителю Совета Садовскому о том, что его работа в качестве уполномоченного не оплачивается, тогда как он вынужден совмещать эту деятельность с основной должностью. В ответ на свой протест Щапов получил следующее письмо от 26 сентября 1946 г.: «...Вы пишете “мне не понятно, почему я должен работать бесплатно”, “я намерен просто отказаться от работы, если мне не будут выплачивать зарплату” и т. д. Совет считает, что так ставить вопрос не следует, потому что, если эта работа не будет снята с Вас председателем облисполкома, то отказ от нее при наличии физической возможности ее выполнения следует рассматривать, как отказ от работы с последствиями, предусмотренными трудовым законодательством СССР»¹⁰.

В двух городах с официально зарегистрированными, т. е. находящимися под систематическим контролем властей, ситуация с должностью уполномоченных сложилась противоположным образом. В Новосибирске в течение всего исследуемого периода на посту уполномоченного находился один чиновник – Ф. Воротилов, тогда как в Омске в период с 1946 по 1954 г. сменилось 5 уполномоченных, а в 1947 г. СДРК попытался вовсе убрать эту должность из штата,

на протяжении всего советского периода, меняя места дислокации, что было типично для подобного рода религиозных объединений // ГАТО. Ф. Р-1786. Оп. 1. Д. 13. Переписка по вопросам закрытия еврейского молитвенного здания в г. Томске (1946–1948).

⁹ Горбатов А.В. К вопросу о статусе уполномоченных по делам религии в Сибири (1943–1969 гг.) // Государство и церковь в XX веке: эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. Опыт России и Европы. М., 2011. С. 35–46.

¹⁰ ГАТО. Ф. Р-1786. Оп. 1. Д. 9. Л. 14.

однако горисполком оказался не в состоянии осуществлять контроль за многочисленными религиозными объединениями самостоятельно, и в 1948 г. должность вернули. При этом омские уполномоченные то и дело жаловались на отсутствие инструкций к работе и даже пытались разрабатывать их самостоятельно¹¹.

Зачастую уполномоченные имели весьма туманное представление о подконтрольных общинах. Если для надзора за христианами еще могло хватать общих бытовых знаний, то с иудаизмом дело обстояло сложнее: уполномоченные в разных городах то именовали раввина «пресвитером», то называли иудейскую литургию «церковной службой», то коверкали названия праздников («судный день»). Уполномоченные пытались проникнуть в логику функционирования общины.

Одной из главных проблем была численность верующих. Очевидно, основных источников получения информации было два: официальный (отчеты лидеров общин на личном приеме) и неофициальный (осведомители внутри самих общин), а также внешнее наблюдение. Попытки официального подсчета прихожан не давали адекватных цифр. Так, данные, предоставляемые уполномоченному в первые годы работы в Новосибирске, вызывают многочисленные вопросы. Например, в сведениях за 1946 г. приводится численность иудейской общины – 21 человек, что выглядит неправдоподобно и напоминает более состав необходимой для регистрации «двадцатки», чем реальное количество верующих, посещающих хотя бы субботние службы¹², тем более что в 1942 г. Союз воинствующих безбожников сообщал о продаже 125 мест в синагоге Новосибирска¹³.

Еще большую проблему вызывали колебания посещаемости во время праздников в разные годы. Уполномоченным было довольно трудно ответить на вопрос, являются ли те сотни евреев, посещающих праздники в синагогах, людьми верующими или же была иная причина для столь массовых собраний, тем более что в обычные субботы посещаемость падала минимум в 10–15 раз. Поскольку религиозные

¹¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 779. Л. 33. Уполномоченный Д. Кукарин сообщил СДРК, что сам разработал схему своего первого отчета, т. к. не нашел ничего у своего предшественника (1949) // ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 781. Л. 36. Уполномоченный А. Густов пожаловался СДРК, что он не смог найти ни каких-либо сведений, ни даже письма-инструкции от Совета (III квартал 1953).

¹² ГАНО. Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 21. Л. 1. Официальная дата регистрации общины в новой системе управления религиозными объединениями состоялась 19 декабря 1946 г. Однако это не означало, что община не существовала прежде, она не прекращала свою деятельность с дореволюционного периода, «регистрация» же ее в советских органах означала формальную легитимизацию существования.

¹³ Там же. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 321. Л. 136.

общины стали единственной легальной формой национальной еврейской жизни в СССР, посещение синагог действительно нередко было более актом демонстрации своей этнической идентичности, нежели религиозных убеждений. На это обращает внимание израильский исследователь М. Альтшулер¹⁴; именно об этом, видимо, говорил один из прихожан омской общины на праздничном обеде у раввина: «У нас нет клуба, где бы мы могли встречаться, поэтому синагогу нужно держать»¹⁵. Содержания отчетов о посещаемости еврейских праздников содержат лишь примерные цифры и обтекаемые формулировки «небольшое количество молодежи», «преимущественно старики, домохозяйки и иждивенцы» и т. д.

Уполномоченные осуществляли контроль над деятельностью религиозных объединений по заданному Советом шаблону, а попытки получить более детальную информацию в отсутствие знаний о специфике функционирования той или иной общины проваливались. Омский уполномоченный А. Д. Бездель, обеспокоенный происходящим в иудейской общине города, писал в Москву: «В настоящее время поведение служителей культа не вызывает каких-либо подозрений, т. к. они сами кажутся пассивными, с очень низким влиянием на верующих, но в то же время за их спиной чувствуется работа подпольного духовенства». На справедливый вопрос СДРК, в чем же выражается это «чувство», уполномоченный ответить так и не смог.

В работе с иудейскими и мусульманскими общинами основная задача уполномоченных заключалась в сборе и отправке квартальных отчетов о проведении наиболее крупных праздников, на которые собиралось большое количество верующих. Для иудеев такими праздниками был весенний Песах и цикл осенних праздников. Начиная с 1949 г. советская власть ужесточила контроль над деятельностью иудейских религиозных общин по всему СССР, и Западная Сибирь, несмотря на относительно немногочисленность еврейского населения, не стала исключением. С 1950 г., согласно инструкции СДРК, уполномоченные должны были включать в свои ежеквартальные отчеты об иудейских группах информацию о праздниках, прежде никогда не встречавшихся в документации уполномоченных, – Хануке, Тиша Беав (о траурном дне в память о разрушении Храма), Лаг ба-омер и других. Семантика этих праздников напрямую была связана с Землей Израиля, и, как следствие, праздновавшие эти даты авто-

¹⁴ Altshuler M. Religion and Jewish Identity in the Soviet Union, 1941–1964. Brandeis University Press, 2012. P. 54.

¹⁵ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 31. Д. 38577. Л. 85.

матически попадали под обвинения в сионизме¹⁶. Судя по тому, что в последующих отчетах информации об этих праздниках нет, как нет и других сведений, выбивающихся из принятого ранее шаблона, уполномоченные остались в стороне от нараставшего разгула преследований и репрессий. Хотя это вовсе не означало, что иудейские религиозные общины остались в стороне от происходящего. Безусловно, принадлежность к религиозной общине фигурантов появившихся дел об антисоветской, «буржуазно-националистической» деятельности не была первопричиной их преследования. Однако финансовая поддержка «нелегальной» общины стала одним из пунктов обвинения проходивших по громкому делу Кузнецкого металлургического завода¹⁷, по которому в результате судебного приговора четыре человека были расстреляны, трое получили 25 лет ИТЛ и один – 10 лет ИТЛ.

Арест омского раввина Столяра и троих членов общины можно рассматривать одновременно и как одно из звеньев единой цепи репрессий в отношении представителей иудейских религиозных общин СССР, и как эпизод кампании по борьбе с «буржуазным национализмом». В начале 1953 г. были арестованы религиозные лидеры многих иудейских общин в стране: хахам (раввин) тбилисской синагоги – по обвинению в пропаганде эмиграции в Израиль и организации еврейской школы; лидеры общин в Орджоникидзе, Одессе, Симферополе, Ростове-на-Дону – по обвинению в сионизме и расизме за произнесение публичных молитв об Израиле¹⁸. По мнению Е. Гениной, причиной ареста стала «активная позиция Э.Н. Столяра, не желавшего ограничиваться лишь сферой религии...»¹⁹ Исследовательница имела в виду попытку общины устраивать концерты, лекции и молебны по случаю советских праздников и дня рождения вождя и прочие аналогичные инициативы, расцениваемые уполномоченным как «приспособленчество». Однако реальность все же, видимо, была несколько сложнее. В надзорном производстве по делу омских «буржуазных националистов» Столяра, Бухмана, Пинского и Каплана отложились жалоба и рапорт уже отбывавшего наказание в ИТЛ Э.Н. Столяра, в котором он подробно раскрывал свою роль в общине. По словам омского «раввина», он в течение более 32 лет являлся «сексотом» и при-

нял должность раввина исключительно по настоянию агентов КГБ²⁰. Очевидно, получив разнарядку о необходимости «обнаружить» собственную группу евреев-националистов, сотрудники органов госбезопасности посчитали, что Столяр – самая подходящая мишень. Таким образом, принадлежность к религиозной общине, как и в случае с обвиняемыми в Сталинске, была лишь одним из многих и не слишком значимых факторов в фабрикации судебных дел.

Уполномоченные на местах осуществляли контроль за исполнением законодательства о культах, предоставляли общую информацию о деятельности зарегистрированных и незарегистрированных религиозных объединений. От того, насколько опытен уполномоченный, насколько полной информацией он владеет (и предоставляет Совету) и на каком уровне взаимодействует с верующими, зачастую зависело, попадет ли деятельность общины под внимание Москвы. Однако сами уполномоченные, какого бы мнения они не придерживались лично, не принимали никаких самостоятельных решений: так, уполномоченные в Новосибирске и в Омске периодически безуспешно пытались снять иудеев с регистрации. Иудейские общины в Западной Сибири представляли собой независимые друг от друга объединения, обладавшие своей спецификой, осуществление контроля и коммуникации с группой верующих иудеев в каждом конкретном случае требовало индивидуального подхода. Даже формальное несоблюдение законодательства (например, отсутствие раввина) вовсе не гарантировало закрытия общины. От уровня верующие-уполномоченные зависело решение повседневных задач, тогда как ключевые вопросы привлечения к административной или уголовной ответственности верующих, снятия с регистрации общин находились в ведении более крупных акторов (прежде всего, СДРК и органов госбезопасности). Е. Генина предположила, что «гарантией от преследований могла стать лишь сугубо религиозная деятельность общины и отсутствие претензий на общественную активность в любой ее форме»²¹. Однако это заключение, будучи универсальным для всех религиозных объединений, действовавших на территории СССР, не всегда дает ответ на вопрос, почему одна община, будучи законопос-

¹⁶ Altshuler M. Op. cit. P. 64.

¹⁷ Генина Е.С. «Дело» КМК (1949–1952) // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность. Вып. 4(26). Красноярск: Красноярский писатель, 2008.

¹⁸ Altshuler M. Op. cit. P. 79.

¹⁹ Генина Е.С. Кампания по борьбе с космополитизмом в Сибири (1949–1953 гг.). Кемерово: КемГУ, 2009. С. 201.

²⁰ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 31. Д. 38577. Л. 140. Любопытно, что Е. Генина ни в одной из своих публикаций не упоминает об этом факте биографии Столяра, хотя ссылается на дело, в котором содержится этот документ. См. ее статью об омском процессе: Генина Е. Тема государства Израиль в обвинениях советских евреев в 1953 г. (по материалам Западной Сибири) // Материалы Пятнадцатой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. Ч. 1. М.: Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер», 2008. С. 282–290.

²¹ Генина Е.С. Кампания по борьбе. С. 220.

лушной и безамбициозной (Томск) закрывается, несмотря на протесты верующих, другая же, систематически нарушающая законодательство и ведущая активную деятельность за пределами религии, как религиозное объединение сохраняется (Омск).

Анализ источников разного уровня свидетельствует, что политика в отношении иудейских общин в Западной Сибири (и можно предположить, что во всем СССР) складывалась из целого комплекса факторов, общая логика которых представителям власти в регионах была недоступна.